

Тенденции прекращения первых брачно-партнерских союзов в России

Елена Владимировна Чурилова,

Сергей Владимирович Захаров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

В статье изложены результаты исследования по одной из «острых» для нашего общества проблем — продолжающейся негативной тенденции роста прекращения первых брачно-партнерских союзов (по данным официальной статистики Россия занимает лидирующую позицию по показателям разводимости среди стран Европы). Показатели разводимости, рассчитанные на основе коэффициентов разводимости с учетом длительности расторгнутых браков для текущих лет, позволяют предположить, что 30–40% браков, зарегистрированных в 1970–1980 гг., и 50–60% браков, заключенных в последние два десятилетия, имеют шанс быть расторгнутыми.

На основе материалов панельного выборочного исследования «Родители и Дети, Мужчины и Женщины в семье и обществе» анализируется стабильность первых союзов, сформированных в 1945–2010 гг., с учетом их типа: браков, начавшихся с официальной регистрации, браков, заключенных после сожительства и сожительства. Полученные результаты позволяют сделать вывод об увеличении итоговой доли расторгнутых первых браков с 14% в когортах, заключивших свои союзы в 1945–1954 гг., до 30% в брачных когортах 1980–1989 гг. Во всех послевоенных союзах и вплоть до сформировавшихся в конце 1980-х годов «прямые» официальные браки были более прочными, чем браки, заключенные после сожительства, однако эта закономерность уже не столь однозначно подтверждается для браков после сожительства, начавшихся в 1990-е годы.

Авторами делается вывод о том, что средняя продолжительность расторгнутого официального брака и средний возраст женщины при распаде брачного союза снизились. Сожительства были и остаются наименее прочной формой союза со средней продолжительностью в 4–5 лет. Бездетные союзы прекращаются в два раза чаще и среди официальных браков, и среди сожительства. Кроме того, отмечается снижение среднего числа детей во всех типах распавшихся родительских союзов с детьми.

По мнению авторов, сформулированному в заключении статьи, данные показывают, что век «прямого» брака без предварительного периода совместной жизни подходит к концу, что может положительно сказываться на стабильности российских браков, снижая шансы развестись по причине выявления несовместимости характеров и взглядов, особенно характерных для начальных этапов совместной жизни.

Ключевые слова: брак, сожительство, демографическая статистика, брачно-партнерские когорты, проект ЕЭК ООН «Поколения и Гендер», развод, распад супружеских союзов.

JEL: J11, J12.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-54-66>.

Для цитирования: Чурилова Е.В., Захаров С.В. Тенденции прекращения первых брачно-партнерских союзов в России. Вопросы статистики. 2021;28(2):54–66.

Trends in Dissolution of First Partnerships in Russia

Elena V. Churilova,

Sergei V. Zakharov

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

The article scrutinizes one of the most acute problems in Russian society – the continued high level of separations among first unions. According to the official statistics data, Russia has consistently held a leading position in terms of divorce rates among European countries. Recent estimates of period total divorce rates suggest that 30–40% of marriages contracted in the 1970–1980s and 50–60% of marriages contracted in the last two decades have a chance of being dissolved.

The authors use materials from the panel part of the sample survey «Parents and children, men and women in the family and society» to examine the stability of first unions formed in 1945–2010 – either direct marriage, marriage after cohabitation or cohabitation in partnership cohorts. The results suggest an increase in the proportion of dissolved marriages from 14% in the marital cohorts of 1945–1954 to 30% in marital cohorts of 1980–1989. In these cohorts, «direct» marriages were more stable than marriages, which followed cohabitations. However, it is not so obvious for marriages preceded by cohabitations in the 1990s.

Authors conclude that the average duration of a dissolved marriage and the average age of women at the time of the dissolution of the marriage have decreased. Cohabitation remains the least stable form of union with an average duration of 4–5 years. Childless unions break up 2 times more often both among marriages and cohabitations. There has been also a decrease in the average number of children in all types of broken unions with children.

Based on results formulated at the final part of the article the authors suggest that the «direct» marriage without prior cohabitation become a less attractive form of union that might positively affect the stability of Russian marriages by reducing the probability of divorce due to such grounds of divorce as incompatibility in characters, views and beliefs, especially in the initial years of joint life.

Keywords: marriage, cohabitation, demographic statistics, partnership cohorts, UNECE Generation and Gender Project, divorce, union dissolution.

JEL: J11, J12.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-54-66>.

For citation: Churilova E.V., Zakharov S.V. Trends in Dissolution of First Partnerships in Russia. *Voprosy Statistiki*. 2021;28(2):54–66. (In Russ.).

Когда говорят о высоком уровне разводимости в России, то обычно оперируют показателями, основанными на данных текущей статистики. Так, общий коэффициент разводимости (количество разводов на 1000 населения) в России в последнее десятилетие составлял чуть более чем 4‰ (см. таблицу 1), тогда как в среднем для развитых стран он стабилизировался на уровне 2‰. Россия уверенно сохраняет свое место в группе стран – мировых лидеров по риску прекращения брака разводом (при использовании наиболее методологически корректного показателя разводимости, который позволяет оценить ежегодная государственная статистика, – ожидаемой итоговой доли разведенных пар при сохранении наблюдаемой интенсивности разводов для браков различной продолжительности). Так, в США, Бельгии, Финляндии, Латвии, Литве, Норвегии, Швеции, Чехии и Эстонии коэффициент разводимости с учетом продолжительности

расторгнутых браков в 2000-е годы был близок к российскому и составлял 500 и выше на 1000 браков [1, 2]. Для России значения коэффициента разводимости с учетом продолжительности расторгнутых браков выросли с 303 разводов на 1000 браков в 1970 г. до 591 разводов на 1000 браков в 2014 г. (исторический рекорд) и далее с колебаниями сохранялись выше 500 на 1000 браков (см. таблицу 1). Это значит, что ожидаемая доля расторгнутых браков может достигать 30% среди браков, заключенных в начале 1970-х годов, и 50–60% среди браков, заключенных в 2000-е годы. Однако установить действительно ли выросла доля распавшихся браков можно только проанализировав данные для реальных брачных когорт.

Известно, что показатели разводимости, рассчитанные на основе данных текущего периода, и показатели, рассчитанные для брачных когорт, могут значительно отличаться, так как данные

Некоторые обобщающие статистические характеристики разводов в России в 1970–1995 гг. и 2011–2019 гг.*

Год	Общий коэффициент разводимости (число разводов на 1000 населения)	Коэффициент суммарной разводимости (на 1 человека в течение жизни) **		Разводы на 1000 браков с учетом их продолжительности***	Средний возраст при регистрации развода****, лет		Средняя продолжительность расторгнутого брака****, лет
		мужчины	женщины		мужчины	женщины	
1970	3,0	0,489	0,422	303	37,8	33,6	9,8
1975	3,6	0,562	0,490	333	37,8	34,0	10,0
1980	4,2	0,621	0,553	390	38,4	34,6	10,5
1985	4,0	0,574	0,529	387	38,3	34,6	10,1
1990	3,8	0,553	0,567	396	38,1	34,6	10,2
1995	4,5	0,658	0,681	510	36,6	33,7	9,7
2011	4,7	0,661	0,604	590	39,7	35,7	10,1
2012	4,5	0,628	0,582	562	39,2	35,1	9,7
2013	4,7	0,649	0,606	577	39,4	35,2	9,7
2014	4,8	0,665	0,627	591	39,4	35,2	9,7
2015	4,2	0,584	0,557	516	39,3	35,0	9,5
2016	4,2	0,582	0,559	519	39,3	35,0	9,5
2017	4,2	0,588	0,569	524	39,4	35,1	9,4
2018	4,0	0,566	0,551	509	39,6	35,3	9,3
2019	4,2	0,610	0,596	553	39,9	35,3	9,1

*Приведенные показатели относятся ко всем разводам, зарегистрированным в указанные годы суммарно для первых и повторных браков для мужчин и женщин; с 2015 г. без Крыма и Севастополя.

** Сумма возрастных коэффициентов разводимости.

*** Сумма коэффициентов разводимости, приведенных к длительности расторгнутых браков.

**** Средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты возрастные коэффициенты разводимости.

***** Средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты коэффициенты разводимости, приведенные к длительности расторгаемых браков.

Источник: Демографический ежегодник России 2019. М.: Росстат, 2019; расчеты авторов на основе неопубликованных данных о разводах в Российской Федерации, зарегистрированных в ЗАГС и содержащихся в таблице К83 в ежегодном отчете «Статистика естественного движения населения» (ЕДН), официально предоставленных Институту демографии НИУ ВШЭ; аналогичных архивных данных ЦСУ РСФСР, Госкомстата России, опубликованных в: Avdeev A., Monnier A. Mouvement de la population de la Russie 1959–1994: Tableaux démographiques. Paris: INED, 1996.

текущей статистики подвержены флуктуациям. Так, для России характерны резкие скачки ежегодных чисел разводов в последние два-три десятилетия, чего не наблюдается в других развитых странах. Коэффициент суммарной разводимости с учетом длительности расторгнутых браков показывает среднее число разводов на протяжении всей жизни когорты вступивших в брак в том или ином году, без учета овдовения и при условии длительного сохранения интенсивности расторжения браков на уровне года, для которого делался расчет. Это гипотетический (ожидаемый) показатель для условных брачных когорт. Например, наблюдаемое сегодня во многих странах усиление стабильности браков средней длительности привело к тому, что коэффициент суммарной разводимости стабилизировался, что может давать ложные основания для оптимизма, поскольку итоговая доля распавшихся союзов все равно будет оставаться высокой за счет роста разводимости среди населения старших возрастов после 15–20 лет совместной жизни [3]. Кроме

того, российские статистические данные в настоящий момент позволяют рассчитать коэффициент суммарной разводимости для всех браков без выделения первых и повторных. Однако, мы наблюдаем увеличение доли повторных браков в числе всех браков с 8% в 1960 г. до 18% в 1980 г. и до более 30% в последние годы (в 2018 г. для мужчин – 31%, для женщин – 33%). Различается ли стабильность первых и повторных браков – дискуссионный вопрос [4, 5].

Последний раз оценка разводимости в брачных когортах в российском населении проводилась в 1970–1980 гг. Тогда были построены вероятностные таблицы разводимости, произведена корректная оценка интегральных показателей разводимости, средней длительности расторгаемых браков и др. [6–13]. Исследователи наблюдали последовательный рост частоты разводов для браков, заключенных с 1960 по 1975 г.: доля браков, расторгнутых в течение пяти лет совместной жизни, увеличилась с 4,3 до 12,3%, в течение 10 лет – с 11,6 до 23,3%. Экстраполяция показывала, что к 30 го-

дам совместной жизни можно ожидать рост с 24,9 до 38,7% [13]. В.А. Сысенко оценил, что четверть браков, заключенных в 1978 г., будет расторгнута в течение 20 лет [11]. Он же свидетельствовал, что в 1960–1978 гг. 37% расторгнутых браков длились менее пяти лет, еще треть — 5–9 лет. Кроме того, было отмечено снижение средней продолжительности расторгнутого первого брака [12].

В современной отечественной и западной литературе представлены публикации, в которых анализируются данные официальной статистики разводимости [5, 14], показатели прекращения союзов для женщин разных годов рождения [15, 16], показатели прекращения брачно-партнерских союзов в условных брачных когортах [17], различия в рисках расторжения официальных браков и сожительств [18] на данных различных выборочных исследований. Однако вопрос о том, какая доля браков в действительности была расторгнута в последовательности брачных когорт, регистрировавших союзы на протяжении всего послевоенного периода, до сих пор оставался неосвещенным.

В настоящей статье мы впервые в отечественной литературе представляем оценки доли прекратившихся браков и сожительств, а также их длительности и детности для последовательности когорт союзов первой очередности, сформировавшихся в 1945–2010 гг.

Информационно-методологическая основа исследования

Наш анализ основывается на панельных данных выборочного исследования «Родители и Дети, Мужчины и Женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), выполненного в рамках международной программы Европейской экономической комиссии ООН «Поколения и гендер»¹ в 2004, 2007 и 2011 гг. Независимым институтом социальной политики в сотрудничестве с Независимой исследовательской группой «Демоскоп» и Центром лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ. В каждой волне обследования было опрошено с помощью метода личного формализованного интервью

более 11 тыс. респондентов обоего пола в возрасте 18 лет и старше, представляющих городское и сельское население 32 субъектов Российской Федерации, включая г. Москву и г. Санкт-Петербург. При формировании выборки использовался метод многоступенчатого вероятностного отбора жилищ, в которых затем выбирали домохозяйства, и далее в домохозяйстве случайным образом (с использованием процедуры Киша) отбирали одного респондента. Каждая волна обследования является репрезентативной для всего населения страны в возрастной группе 18–79 лет. Во второй и третьей волнах обследования использована «синтетическая» модель выборки, которая наряду с одномоментной репрезентацией позволяет провести панельный анализ. Методология исследования подробно изложена в [19].

Панельная составляющая РиДМиЖ позволяет проанализировать брачно-партнерскую историю женщин, собранную в ходе первой волны исследования в 2004 г. и дополненную по результатам повторных опросов в 2007 и 2011 гг. Мы рассмотрели подвыборку женщин, которые состоят или когда-либо состояли в первом брачно-партнерском союзе: в браке, в браке, заключенном с партнером после периода сожительства или в сожительстве. Когорты вступления в союз были поделены следующим образом: 1945–1954, 1955–1964, 1965–1979, 1980–1989, 1990–1999, 2000–2010. Общее число респондентов — 3 493. Так как мы рассматриваем когорты формирования семьи, то продолжительность наблюдения для всех когорт по времени ограничена. Точная доля женщин, чей союз распался в каждой из когорт брачно-партнерских союзов, может быть получена только после того, как все из них либо расторгнут союз, либо овдовеют, либо умрут. В соответствии с международной практикой период наблюдения ограничивают 30 годами. Но и в этом случае для женщин, вступивших в супружеский союз в 1980–2010 гг., данные являются цензурированными, поэтому мы использовали анализ выживаемости, позволяющий получить накопленные доли распавшихся брачно-партнерских союзов путем оценки функций выживания

¹ Исследовательский проект сравнительных исследований «Программа поколения и гендер» (Generations and Gender Programme), координатором которого выступала Европейская экономическая комиссия ООН, выполнялся национальными группами исследователей при поддержке международного консорциума научно-исследовательских центров. Доступ к данным первой и второй волн выборочного исследования РиДМиЖ свободный и бесплатный для исследователей и осуществляется по запросу через веб-сайт исследовательского проекта «Программа поколения и гендер» <https://www.ggp-i.org>. Данные третьей волны исследования РиДМиЖ могут быть получены в Едином архиве экономических и социологических данных НИУ ВШЭ (<http://sophist.hse.ru/>).

с учетом конкурирующих рисков для каждого сочетания когорты формирования брачно-партнерского союза и типа брачно-партнерского союза. Расчет был произведен с помощью программы *stcomp* [20] в статистическом пакете STATA 14. В качестве конкурирующих рисков мы рассматривали фактическое прекращение совместного проживания и вдовство. В качестве начала брачно-партнерского союза использовалась декларируемая дата (месяц и год) фактического начала совместной жизни и для прямого брака, и для сожительства в случае заключения брака после сожительства. Момент окончания союза фиксировался по указанной дате фактического завершения отношений. В 57,7% случаев у респондентов дата завершения отношений и дата развода совпадали; 4,9% женщин указали, что фактически их отношения с первым партнером закончились позже, чем они официально развелись; оставшиеся 37,4% указали дату развода более позднюю, чем дата завершения отношений. В этих случаях средний интервал между завершением отношений и разводом составил 2,17 года (медиана — 0,75 года). Для анализа мы выбрали дату завершения отношений, так как число случаев, когда супруги прекратили совместное проживание раньше, чем развелись, довольно высоко. Кроме того, фактическое завершение отношений возвращает супругов на брачный рынок, и они могут вступить в новый союз до даты формального оформления развода. Использование фактических дат начала совместного проживания для браков после сожительства и дат фактического прекращения союзов всех типов позволяет оценить реальную длительность союзов. Для анализа характеристик распавшихся союзов использовались методы описательной статистики (частотные распределения, меры центральной тенденции).

Исследование РИДМЖ является выборочным опросом, в ходе которого собиралась ретроспективная информация. Соответственно массив данных обладает известными недостатками: респонденты селективны по дожитию, могли забывать даты и события, переставлять их местами во времени. Однако, согласно исследованиям качества данных ретроспективных опросов, для респондентов характерно точное указание дат центральных событий их жизни в поколениях, для которых не была характерна высокая интенсивность смены брачно-партнерских статусов [21]. Так, по оценкам исследователей,

в России среднее число браков, приходящихся на одну женщину, стабильно для всех поколений и не превышает 1,2 [5].

Результаты исследования

Проведенный нами анализ показал, что накопленная доля браков, распавшихся за 30 лет совместной жизни, значительно увеличилась: если в когорте 1945–1954 гг. эта доля составляла 15%, то в следующей когорте 1955–1964 гг. — 24%, а каждый третий брак, заключенный в советский период после 1965 года, закончился разводом (см. рис. 1). Среди брачных когорт 1990-х годов 32% браков распались за 15 лет совместной жизни, а среди когорт 2000-х годов — каждый пятый брак за пять лет.

Вероятность развода выше среди тех брачных пар, которые регистрировали брак после периода сожительства, по сравнению с теми, кто заключил брак сразу. Увеличение вероятности развода проходило неравномерно. Когорта прямых браков 1945–1954 гг., заключенных в условиях жесткого законодательства, самая крепкая. Только 5% из этих браков распались в течение первых пяти лет совместной жизни, а дальнейшее нарастание вероятности происходило очень медленно. Накопленная вероятность расторжения брака к 10-му году брака увеличилась только на 1 процентный пункт (п. п.). В этих брачных когортах, супруги, вступившие в брак сразу после войны, получили возможность беспрепятственно разводиться только к 20-му году брака, поэтому сильного всплеска разводов среди них не наблюдалось. Для следующих брачных когорт — 1955–1964 гг. — характерна более высокая интенсивность распада союзов после пяти лет брака. В этих когортах накопленная доля распавшихся союзов, начавшихся с прямого брака, к каждому году совместной жизни выше в 1,7 раза, чем в предыдущих когортах. Всего к 30-му году совместной жизни из этих когорт пережили развод 21,5% брачных пар. Когорты прямых браков, заключенных в 1965–1979 гг. и 1980–1989 гг., очень похожи друг на друга. В каждой из них за пять полных лет совместной жизни были расторгнуты 10% браков, а накопленная доля разводов за 15 лет совместной жизни составила 22%. Всего в течение 30 лет совместной жизни развелись 30% брачных пар, вступивших в брак без периода сожительства в 1965–1979 гг. Прямые браки, заключенные в 1990-е годы, ока-

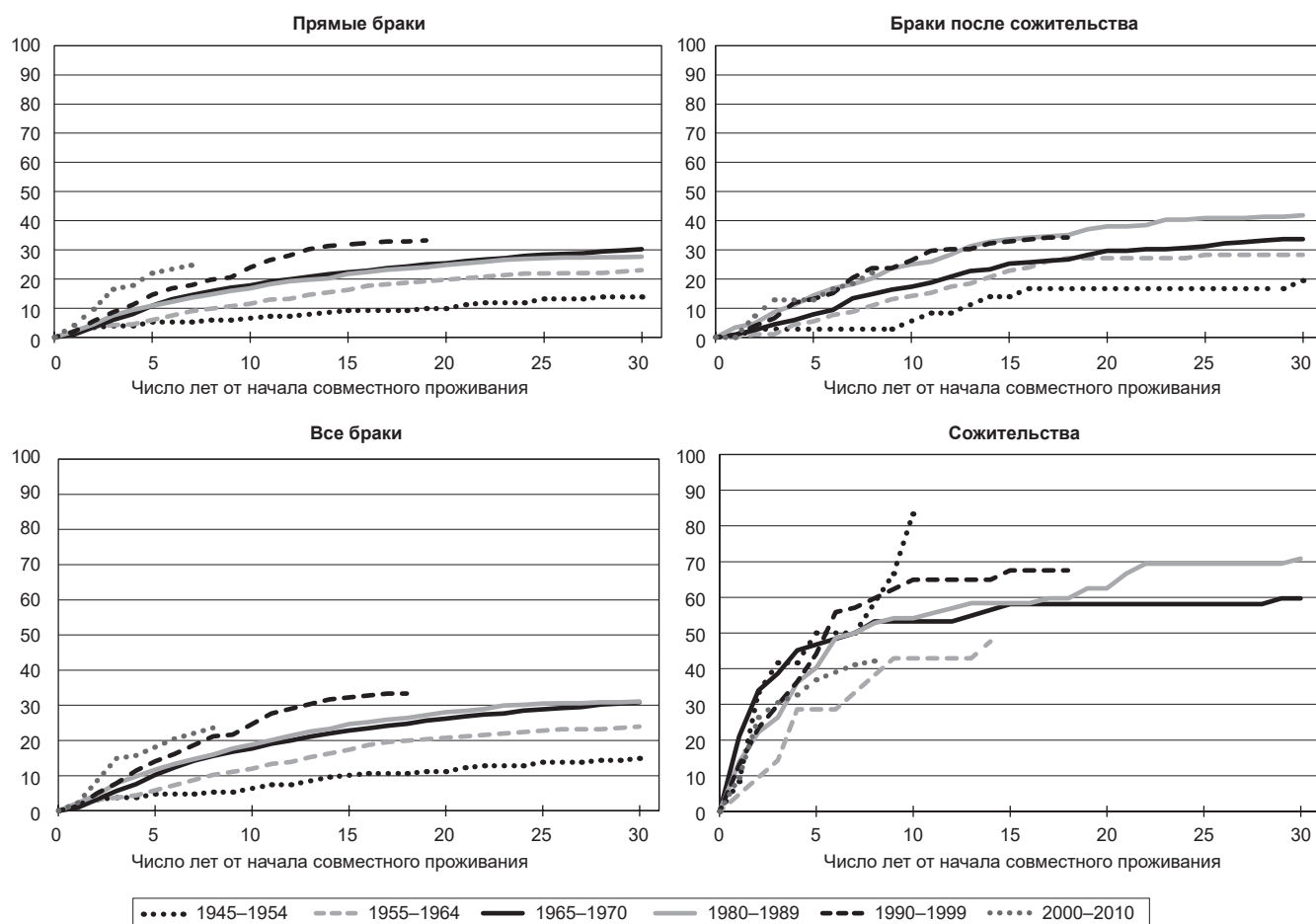

Рис. 1. Накопленная доля брачно-партнерских союзов, распавшихся к указанному году совместной жизни по типу союза и году его формирования (в процентах)

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных трех волн исследования РИДМИЖ.

зались еще менее прочными. За первые пять лет семейной жизни были расторгнуты почти 15% браков, в течение 10 лет – 23%, а за 15 лет – 31%. Когорты 2000-х годов также довольно интенсивно разводятся: за первые пять лет совместной жизни распались 22% прямых браков.

Интенсивность распада брачных союзов, заключенных после периода сожительства выше во всех когортах формирования союзов. За 30 лет совместной жизни был расторгнут брак у 19,4%, 28,3 и 33,6% пар, начавших совместную жизнь в 1945–1954, 1955–1964 и 1965–1979 гг. соответственно. При этом браки, заключенные в 1965–1979 гг., распались примерно с одинаковой интенсивностью как среди пар, начавших совместное проживание после свадьбы, так и среди пар, начавших совместное проживание до регистрации брака. Отношения в брачных парах, начавших совместную жизнь с сожительства в 1980-х годах, оказались более хрупкими, чем в парах, сразу вступивших в брак: за пять лет

совместной жизни суммарно распались 14% браков, заключенных после периода сожительства; за 10 лет – 25%; к 15-му году – каждый третий брак, а к 25-му году – 40% от всех браков. Интенсивность расторжения браков, начавшихся с сожительства в 1990-е и в 2000-е годы, пока примерно на том же уровне, что и среди прямых браков, заключенных в те же годы; близка она и к когортам 1980-х годов, заключившим брак после сожительства.

Сожительства распадаются ожидаемо чаще. Это характерно, в том числе для первого года союза, что еще раз подтверждает, что первые незарегистрированные союзы в России продолжают играть роль пробного брака. Сожительства в когортах союзов 1945–1954 и 1955–1964 гг. были мало распространены. Но уже для последующих когорт союзов видно, что вероятность прекращения сожительства к указанному году совместной жизни увеличивалась от когорты к когорте. Так, за первые 10 лет совместной жизни завершились

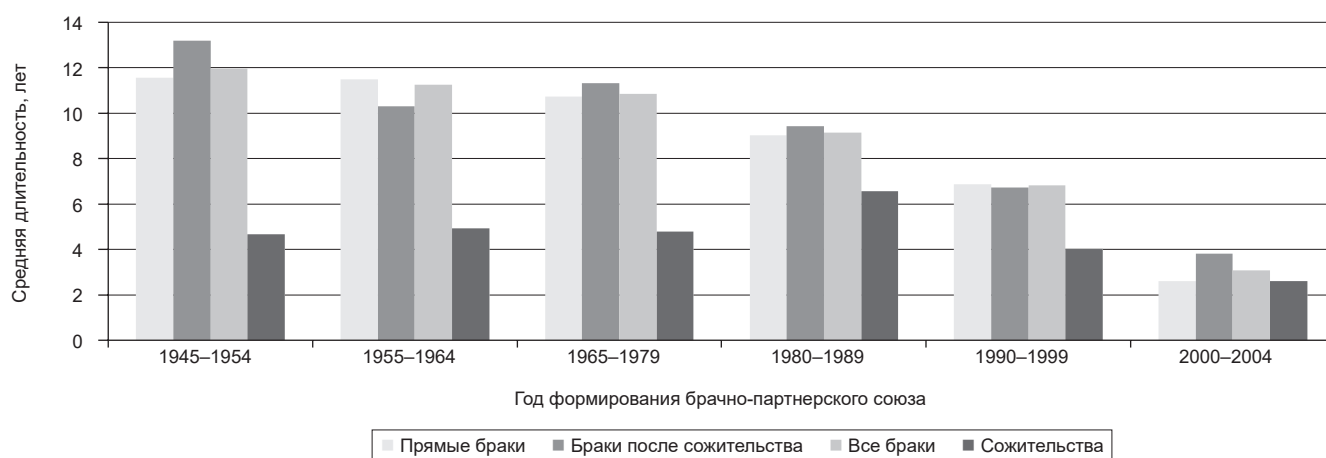

Рис. 2. Средняя длительность распавшихся брачно-партнерских союзов по типу союза и году его формирования

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных трех волн исследования РИДМЖ.

отношения у более чем 50% сожительствующих пар в когортах 1965–1979 гг. и 1980–1989 гг. и 65% из когорт 1990-х годов. Однако вызывает удивление меньшая вероятность распада незарегистрированных союзов к пятому – седьмому годам совместной жизни в когортах 2000-х годов, по сравнению с предыдущими когортами 1980-х и 1990-х годов.

Средняя длительность распавшегося брака показывает устойчивое снижение от когорты к когорте (см. рис. 2). Это обусловлено ростом как общей вероятности развода, так и увеличением вероятности развода к более раннему сроку брачной жизни. Средняя продолжительность распавшегося прямого брака сократилась с 11,6 года в брачной когорте 1945–1954 гг. до 9,0 лет в брачной когорте 1980–1989 гг. Среди браков, заключенных после сожительства, средняя длительность союза снизилась с 13,2 до 9,4 года в указанных когортах.

Средняя продолжительность совместной жизни в сожительстве стабильно составляла 4,7–4,9 года в когортах 1945–1979 гг. Для союзов, заключенных в 1980-е годы, этот период боль-

ше – 6,6 года, что связано с тем, что вероятность распада незарегистрированного союза к первому – пятому годам совместной жизни снизилась по сравнению с предыдущей когортой 1965–1979 гг.

Максимально возможная продолжительность совместной жизни к моменту опросов в когортах 1990-х и 2000-х годов составляет 20 и 10 лет, соответственно, что не позволяет сделать однозначного вывода о продолжении намеченной тенденции, но так как наблюдаемый рост вероятностей распада брака на первых годах жизни не прекратился, скорее всего тенденция к снижению продолжительности распавшихся первых брачно-партнерских союзов продолжается.

Средний возраст женщины при вступлении в брак в рассматриваемых когортах оставался практически неизменным – 21–22 года. Так как средняя продолжительность расторгнутого брака постепенно уменьшается, то ожидаемым становится и снижение среднего возраста женщины при распаде первого брачно-партнерского союза (см. таблицу 2). Если в брачной когорте

Таблица 2

Средний возраст женщины при расторжении брачно-партнерского союза по типу союза и году его формирования (лет)

Годы формирования союза	Прямые браки	Браки после периода сожительства	Все браки	Сожительства
1945–1954	32,5	34,7	33,0	24,8
1955–1964	32,9	32,4	32,8	28,6
1965–1979	31,8	32,6	32,0	28,8
1980–1989	30,7	30,0	30,5	29,5
1990–1999	28,7	27,1	28,1	25,8
2000–2010	23,5	26,1	24,5	26,8

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных трех волн исследования РИДМЖ.

1945–1954 гг. женщина в среднем разводилась с мужем в возрасте 32,5 года, то в когорте 1980–1989 гг. распад первого брака приходился на возраст 30 лет. Средний возраст женщины при прекращении совместного проживания с сожительствующим партнером во всех когортах стабильно ниже 30 лет.

Бездетные союзы распадаются в два раза чаще как среди сожительств, так и среди браков (см. таблицу 3). При этом доля распавшихся бездетных сожительств очень велика и достигает 85–88%. Бездетные браки стали расторгаться чаще: если в когорте 1945–1954 гг. 39% бездетных браков завершились разводом, то в следующей когорте – в 1,5 раза больше, а в когорте 1965–1979 гг. их доля достигла 60%. В когорте браков, заключенных в 1990-е годы, распались 67,8% бездетных браков.

Среди официальных союзов, в которых успели родиться дети, также был отмечен рост распада союзов. Если в когорте браков 1945–1954 гг. каждый десятый детный брак закончился разводом, то в брачной когорте 1955–1964 гг. – почти 22%, а среди брачных пар с детьми из когорт 1965–1999 гг. – почти 30%. В рассматриваемых когортах большинство распавшихся браков – это браки с совместными несовершеннолетними детьми (см. таблицу 4). Доля таковых в брачной когор-

те 1945–1954 гг. – 61,9% среди прямых браков и 57,1% среди браков, начавшихся с сожительства. Среди расторгнутых браков, заключенных начиная с 1955 г. и вплоть до распада Советского Союза, 75% составляли браки с несовершеннолетними детьми.

Для постсоветских брачных когорт видно снижение доли распавшихся браков с совместными детьми: в когортах 1990-х годов их доля составляет 71,6%. Среди уже распавшихся браков, заключенных в 2000-е годы, доля разводов с детьми еще меньше – 61,3%. Если рассмотреть среднее число детей на один развод в семьях с детьми, то небольшое снижение видно от одной брачной когорты к другой: с 1,41 ребенка в брачной когорте 1955–1964 гг. до 1,25 ребенка в когорте браков, заключенных в 1980-е гг. (см. таблицу 5). Среднее число детей, приходящихся на одно распавшееся сожительство, стабильно и составляет 1,2–1,25 ребенка.

Основные тенденции прочности брачных союзов

Наши результаты подтвердили оценки ожидаемой доли разводов 45-летней давности, согласно которым из брачной когорты 1960 г. распадутся 24,9% пар [13]. Наши результаты показывают,

Таблица 3

Доля распавшихся брачно-партнерских союзов с детьми и без детей по году формирования союза (в процентах)

Годы формирования союзов	Все браки		Сожительства	
	без детей	с детьми	без детей	с детьми
1945–1954	38,9	12,3	-	-
1955–1964	53,2	21,9	-	-
1965–1979	60,6	29,5	86,2	41,2
1980–1989	60,3	28,4	85,2	63,0
1990–1999	67,8	28,0	87,8	44,4
2000–2010	52,2	17,9	52,4	30,3

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных трех волн исследования РИДМЖ.

Таблица 4

Доля распавшихся брачно-партнерских союзов с совместными детьми до 18 лет по типу союза и году его формирования (в процентах)

Годы формирования союзов	Прямые браки	Браки после сожительства	Все браки	Сожительства
1945–1954	61,9	57,1	60,7	-
1955–1964	71,8	84,6	74,4	-
1965–1979	74,8	76,8	75,2	30,8
1980–1989	75,6	80,5	77,2	48,1
1990–1999	73,0	69,2	71,6	30,8
2000–2010	47,4	83,3	61,3	23,3

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных трех волн исследования РИДМЖ.

Среднее число детей на один распавшийся брачно-партнерский союз по типу союза и году его формирования

Годы формирования союзов	Всего				В семьях с детьми			
	прямые браки	браки после сожительства	все браки	сожительства	прямые браки	браки после сожительства	все браки	сожительства
1945–1954	0,81	0,57	0,75	-	1,31	1,00	1,24	-
1955–1964	0,99	1,27	1,05	-	1,38	1,50	1,41	-
1965–1979	0,97	1,00	0,98	0,38	1,30	1,30	1,30	1,25
1980–1989	0,94	1,02	0,97	0,58	1,24	1,27	1,25	1,20
1990–1999	0,89	0,88	0,89	0,38	1,22	1,28	1,24	1,25
2000–2010	0,53	0,83	0,65	0,26	1,11	1,00	1,05	1,10

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных трех волн исследования РИДМЖ.

что распались только 30% всех первых браков, заключенных в 1980-е годы. Среди браков, заключенных в 1990-е, к 2010 г. те же 30%, и мы можем ожидать, что итоговая доля распавшихся браков в этой брачной когорте будет около 35–40%, если не возрастет интенсивность расторжения браков высокой длительности (от 20 лет). Вероятно, что показатель в 50–60% ожидаемых распавшихся браков (оценка на основе коэффициента суммарной разводимости с учетом длительности распавшихся браков) в брачной когорте 1990-х годов не будет достигнут. Подобные высокие оценки ожидаемой доли расторгнутых браков связаны с омоложением развода, так как наши результаты показывают, что интенсивность распадов союза длительностью до 5 и 10 лет возросла. Тем не менее, наблюдаемый рост доли фактически расторгнутых первых браков не выглядит неожиданным. Относительная стабильность браков, заключенных в 1945–1954 гг., была связана с жестким бракоразводным законодательством. Однако уже для когорты первых союзов 1955–1964 гг. мы можем наблюдать эффект от либерализации процедуры развода в 1965 г. После 1965 г. процедура расторжения браков все время оставалась легкодоступной, однако вместо стабильно сохраняющейся доли фактически распавшихся браков от когорты к когорте мы наблюдаем продолжающийся рост разводимости. В западной литературе рост разводимости помимо эффекта либерализации законодательства объясняют также снижением качества браков и/или преимуществ от брака, расширением возможностей в поиске альтернативных партнеров, снижением издержек от развода и увеличением доли сепараций, закончившихся разводом [22]. Последние два объяснения очевидно для России неприменимы, так

как период обязательной длительной сепарации не предусмотрен российским законодательством, а величина государственной пошлины, взимаемой при оформлении заявления о расторжении брака, невелика.

Возможное объяснение непрерывного роста доли расторгнутых первых браков кроется в том, что довольно большая часть браков, заключенных в конце 1960-х–1980-х годов, была стимулирована незапланированной беременностью партнерши. Так, согласно исследованиям в 1981 г. 46% первых детей были зачаты до брака [23]. Доля браков, заключенных в период беременности партнерши, остается довольно большой и в современной России [24, 25]. Исследования же показывают, что браки, стимулированные беременностью партнерши, являются более хрупкими [26]. Отметим также, что медианная длительность протогенетического интервала для советских поколений женщин составляла 12–13 месяцев при рассмотрении всех первых рождений и 16 месяцев при исключении добрачных зачатий [27]. То есть большая часть супружеских пар имела очень короткий период совместной жизни без детей. Вероятно именно этими двумя причинами и объясняется повышение доли расторгнутых браков с детьми в советских брачных когортах. Исследователи отмечают, что в позднесоветский период развод был частым результатом ранних вынужденных браков, заключенных из-за беременности партнерши молодыми людьми без опыта предварительного совместного проживания [28]. В 2000-е годы наступившая беременность у партнерши в сожительстве стала рассматриваться скорее в качестве повода для юридического оформления длительных устойчивых отношений, что может позитивно сказаться на стабильности браков, заключенных в эти годы.

Выводы

Мы получили аналогичный более ранним исследованиям результат, что браки, заключенные после сожительства, менее крепкие. Однако, этот вывод однозначно верен для когорт союзов, сформированных до 1989 г. Доля распавшихся браков после сожительства в когорте 1990–1999 гг. не превышает показатели в когорте «прямых» браков, заключенных в этот же период времени: среди «прямых» браков и среди браков после сожительства за 15 лет совместной жизни разошлись чуть более 30% пар. Накопленная доля расторгнутых союзов к указанным годам совместной жизни ничем не отличается от предыдущей когорты союзов 1980–1989 гг. Можно ожидать, что рост разводимости среди браков после сожительства мог либо замедлиться, либо остановиться, так как сожительства в современной России остаются «пробным периодом» брака [27], что позволяет в определенной мере избежать брака с неподходящим партнером. Наблюдаемая короткая длительность сожительства, не оформленных в итоге в брак, вероятно, связана с тем, что сожительства в рассматриваемых когортах по большей части составляют неудавшиеся пробные браки, по итогам которых совместно проживающие партнеры решают не реализовывать matrimониальные намерения [29].

Оценки среднего числа детей на один развод, случившийся для первого брака, которые получены нами для когорт первых брачно-партнерских союзов, согласуются с оценками, полученными для расторжений браков всех очередностей по данным Росстата [5]. Такая согласованность связана с тем, что большинство ежегодно распадающихся браков с несовершеннолетними детьми — это, видимо, первые браки. Наблюдаемое стабильное снижение среднего числа детей на один распавшийся брак может быть связано как со снижением итогового показателя рождаемости [5], так и с тем, что вступить в повторный союз и компенсировать нереализованные рождение удается не всем разведенным женщинам.

Результат, касающийся снижения средней длительности расторгнутого брака и среднего возраста женщины в момент окончания отношений, нельзя назвать настораживающим, так как исследователями отмечается более высокая вероятность рождения детей в повторных союзах, сформированных до 30 лет [30], в том числе и в России [31], а количественные оценки коэффициента корреляции разводов и рождаемости в 2000-е годы сменились с отрицательных на положительные [5].

Оценки на основе официальной статистики показывают, что интенсивность разводов среди всех браков в России после периода роста в течение многих десятилетий близка к стабилизации на очень высоком уровне: каждый второй брак имеет перспективу развода. Однако на основе показателей данных официальной статистики нельзя сделать выводы о тенденциях расторжения супружеских отношений в брачных когортах. Кроме того, сведения о прочности неформальных союзов (сожительств) в России весьма скудны, поскольку статистический учет их не ведется.

В то же время оценки прочности союзов разного типа можно получить, используя данные репрезентативных для страны выборочных исследований, содержащих брачно-партнерскую историю респондентов. Результаты нашего анализа панельных данных исследования РИДМИЖ показали увеличение доли первых браков, закончившихся разводом. Однако речь идет не о 50–60%, а о 30% в брачных когортах 1965–1979 гг. и 1980-х годов и, возможно, 35–40% — в брачной когорте 1990-х годов. Увеличение вероятности распада от одной когорты к другой характерно и для первых сожительства. Стабилизация доли расторгнутых браков наблюдается только для браков, заключенных после периода сожительства, которых в России становится все больше. Одновременно наблюдается снижение средней длительности и прямых браков, и браков, заключенных после периода сожительства. Сожительства стабильно отличаются наиболее коротким периодом совместной жизни по сравнению с браками. Частота распада бездетных браков и сожительства выше, чем частота прекращения отношений в родительских союзах с общими детьми. Кроме того, мы видим снижение среднего числа детей на один развод в семьях с детьми.

Наблюдаемые тенденции позволяют нам говорить об увеличении доли расторгнутых первых браков от когорты 1945–1954 гг. к когорте 1980–1989 гг. Сделать однозначных выводов о тенденции стабильности браков, заключенных в 1990-е годы, мы пока не можем. Полученные нами результаты позволяют утверждать, что браки, заключенные после периода сожительства в 1990-е и в начале 2000-х годов, могут оказаться стабильнее или такой же прочности, как и браки после периода сожительства в когорте 1980–

1989 г. Данные показывают, что век прямого брака без предварительного периода совместной жизни подходит к концу, что может положительно сказываться на стабильности российских браков, снижая риски разводов по причине выявления несовместимости характеров и взглядов, особенно характерных для начальных этапов совместной жизни. Используемые нами для анализа данные были собраны в середине 2000-х — начале 2010-х годов. К сожалению, с тех пор национальные выборочные исследования, содержащие данные о брачно-партнерской истории, в России не проводились. Несомненно, сбор подобных данных должен проводиться на регулярной основе в России, как это стало обычным делом во многих странах. Появление новой информации позволило бы подробнее изучить расторжение супружеских союзов в брачных когортах 1990-х годов и последующих лет, что дало бы более надежные основания для ответа на вопрос, действительно ли в России продолжается тенденция роста разводимости или мы наблюдаем переход к стабилизации ее уровня.

Литература

1. Council of Europe. Recent demographic developments in Europe. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2006.
2. **Sobotka T., Toulemon L.** Overview Chapter 4: Changing family and partnership behavior: Common trends and persistent diversity across Europe // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. P. 85–138.
3. **Goldstein J.** The Leveling of Divorce in the United States // *Demography*. 1999. Vol. 36, No. 3. P. 409–414.
4. **Hargens L.L.** Incidence of first-marriage divorce among women in the 1979 panel of the National Longitudinal Survey of Youth // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 1529–1536.
5. Население России 2015. Двадцать третий ежегодный демографический доклад. Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 360 с.
6. **Бондарская Г.А.** Анализ разводимости в реальных поколениях женщин // Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983. С. 31–35.
7. **Волков А.Г.** Семья — объект демографии. М: «Мысль», 1986. 271 с.
8. **Кузнецов Л.Р.** Разводимость: динамика, факторы, тенденции // Методология демографического прогноза / А.Г.Волков (Отв. ред.). М.: Наука, 1988. С. 88–99.
9. **Тольц М.С.** Некоторые обобщающие характеристики брачности, прекращения и длительности брака // Демографическое развитие семьи / Под. ред. А.Г. Волкова. М.: Статистика, 1979. С. 39–58.
10. **Чуйко Л.В.** Браки и разводы. М.: Статистика, 1975. 175 с.
11. **Сысенко В.А.** Устойчивость брака: Проблемы, факторы, условия. М.: Финансы и статистика, 1981. 199 с.
12. **Avdeev A., Monnier A.** Marriage in Russia. A complex phenomenon poorly understood // *Population. An English selection*. 2000. Vol. 12. P. 7–50.
13. **Тольц М.** Разводы и современный уровень рождаемости / Проблемы воспроизводства и занятости населения. М.: ИСИ АН СССР, 1984. С. 18–30.
14. **Антонов Г.В., Лактюхина Е.Г.** Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? // Вопросы статистики. 2015. № 7. С. 21–31.
15. **Gałęzewska P.** Repartnering dynamics and fertility in new partnerships in Europe and the United States. University of Southampton, School of Social Sciences, Doctoral Thesis, 2016. 272 pp.
16. **Gałęzewska P., Perelli-Harris B., Berrington A.** Cross-national differences in women's repartnering behaviour in Europe: The role of individual demographic characteristics // *Demographic Research*. 2017. Vol. 37. P. 189–228.
17. **Philipov D., Jasilioniene A.** Union formation and fertility in Bulgaria and Russia: A life table description of recent trends // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. P. 2057–2114.
18. **Andersson G., Thomson E., Duntava A.** Life-table representations of family dynamics in the 21st century // *Demographic Research*. 2017. Vol. 37. P. 1081–1230.
19. **Захаров С.В., Малева Т.М., Синявская О.В.** Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщин в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007.
20. **Coviello V., Boggess M.** Cumulative incidence estimation in the presence of competing risks // *The Stata Journal*. 2004. Vol. 4. No. 2. P. 103–112.
21. **Kreyenfeld M.R., Bastin S.** Blurred memory, deliberate misreporting, or «true tales»? How different survey methods affect respondents' reports of partnership status at first birth. Working Paper WP-2013-017, Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock.
22. **Wagner M.** On increasing divorce risks // D. Mortelmans (ed.) *Divorce in Europe New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups*. Springer Open, 2020. P. 37–61.
23. **Тольц М.С., Антонова О.И., Андреев Е.М.** Рождаемость и трансформация института семьи в современной России // Вопросы статистики. 2005. № 7. С. 51–60.
24. **Бирюкова С.С., Тындик А.О.** Регистрация брака и рождение ребенка в биографии россиян: анализ данных текущей статистики // Демографическое обозрение. 2014. № 3. С. 33–64.
25. **Чурилова Е.В., Чумарина В.Ж.** Внебрачные рождения и добрачные зачатия в России: осознанное решение родителей? // Вопросы статистики. 2014. № 7. С. 43–49.

26. **Jasilioniene A.** Premarital conception and divorce risk in Russia in light of the GGS data MPIDR. Working Paper WP-2007-025, Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock.

27. **Митрофанова Е.С.** Браки, партнерства и рождаемость поколений россиян // Демоскоп Weekly. 2011. № 477–478.

28. **Чернова Ж.В.** Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 118–127.

29. **Артамонова А.В., Митрофанова Е.С.** Сожительство в России: промежуточное звено или легитимный

институт // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 126–146.

30. **Beaujouan É.** Second-union fertility in France: partners' age and other factors // Population (English Edition). 2011. Vol. 66. No. 2. P. 239–274.

31. **Захаров С.В., Чурилова Е.В., Агаджанян В.С.** Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 35–51.

Информация об авторах

Чурилова Елена Владимировна — канд. социол. наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований населения и здоровья, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 109028, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3. E-mail: evchurilova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9524-7177>.

Захаров Сергей Владимирович — канд. экон. наук, заместитель директора, Институт демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 109028, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3. E-mail: szakharov@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1653-4264>.

Финансирование

В данной научной работе использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

References

1. Council of Europe. *Recent Demographic Developments in Europe*. Strasbourg: Council of Europe Publishing; 2006.

2. **Sobotka T., Toulemon L.** Overview Chapter 4: Changing Family and Partnership Behavior: Common Trends and Persistent Diversity Across Europe. *Demographic Research*. 2008;(19):85–138.

3. **Goldstein J.R.** The Leveling of Divorce in the United States. *Demography*. 1999;36(3):409–414.

4. **Hargens L.L.** Incidence of First-Marriage Divorce Among Women in the 1979 Panel of the National Longitudinal Survey of Youth. *Demographic Research*. 2019;(40):1529–1536.

5. **Zakharov S.V.** (ed.) Russia's Population in 2015. 23rd Annual Demographic Report. Moscow: HSE Publishing House, 2017. 360 p. (In Russ.)

6. **Bondarskaya G.A.** Analysis of Divorces in Women Cohorts. In: *Socio-Demographic Analysis of Marriage, Family, Fertility, and Reproductive Orientations*. Yerevan; 1983. P. 31–35. (In Russ.)

7. **Volkov A.G.** *Family — Object of Demography*. Moscow: Mysl' Publ.; 1986. 271 p. (In Russ.)

8. **Kuznetsov L.R.** Divorces: Trends, Factors, Tendencies. In: Volkov A.G. (ed.) *Methodology of Demographic Projection*. Moscow: Nauka publ., 1988. Pp. 88–99. (In Russ.)

9. **Toltz M.** Some General Indicators of Nuptiality, Diversity and Marriage Duration. In: Volkov A.G. (ed.) *Demographic Development of Family*. Moscow: Statistika Publ.; 1979. Pp. 39–58. (In Russ.)

10. **Chuiko L.V.** *Marriages and Divorces*. Moscow: Statistika Publ.; 1976. 175 p. (In Russ.)

11. **Sysenko V.A.** *Marital Stability: Problems, Factors, Conditions*. Moscow: Finansy i Statistika Publ.; 1981. 199 p. (In Russ.)

12. **Avdeev A., Monnier A.** Marriage in Russia. A Complex Phenomenon Poorly Understood. *Population. An English selection*. 2000;(12):7–50.

13. **Toltz M.** Divorces and Modern Level of Fertility. In: *Problems of Reproduction and Employment*. Moscow: ISI AN SSSR; 1984. Pp.18–30. (In Russ.)

14. **Antonov G., Laktukhina E.** The Crisis of Marriage Institutions in Modern Russia: Reality or Fiction? *Voprosy Statistiki*. 2015;(7):21–31. (In Russ.)

15. **Gałęzewska P.** *Repartnering Dynamics and Fertility in New Partnerships in Europe and the United States*. Doctoral thesis. University of Southampton, School of Social Sciences; 2016. 272 p.

16. **Gałęzewska P., Perelli-Harris B., Berrington A.** Cross-National Differences in Women's Repartnering Behaviour in Europe: The Role of Individual Demographic Characteristics. *Demographic Research*. 2017; (37): 189–228.

17. **Philipov D., Jasilioniene A.** Union Formation and Fertility in Bulgaria and Russia: A Life Table Description of Recent Trends. *Demographic Research*. 2008;(19):2057–2114.
18. **Andersson G., Thomson E., Duntava A.** Life-Table Representations of Family Dynamics in the 21st Century. *Demographic Research*. 2017;(37):1081–1230.
19. **Zakharov S.V., Maleva T.M., Sinyavskaya O.V.** Program «Generation and Gender»: Methodological Questions. In: Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. (eds). *Parents and Children, Men and Women in Family and Society*. Moscow: Independent Institute for Social Policy; 2007. (In Russ.)
20. **Coviello V., Boggess M.** Cumulative Incidence Estimation in the Presence of Competing Risks. *The Stata Journal*. 2004;4(2):103–112.
21. **Kreyenfeld M. R., Bastin S.** *Blurred Memory, Deliberate Misreporting, or «True Tales»? How Different Survey Methods Affect Respondents' Reports of Partnership Status at First Birth*. Working Paper WP-2013-017. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research; 2013.
22. **Wagner M.** On Increasing Divorce Risks. In: Mortelmans D. (ed.) *Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups*. Springer Open; 2020. P. 37–61.
23. **Tol'ts M.S., Antonova O.I., Andreev E.M.** Birth Rate and the Family Institution Transformation in the Modern Russia. *Voprosy Statistiki*. 2005;(7):51–60. (In Russ.)
24. **Biryukova S.S., Tyndik A.O.** Getting Married and Having a Child in Russia: An Analysis of Individual Biographies Basing on Vital Statistics Data. *Demographic Review*. 2014;1(3):33–64. (In Russ.)
25. **Churilova E.V., Chumarina V.Zh.** Nonmarital Fertility and Premarital Conceptions in Russia: Parents' Deliberate Decision? *Voprosy Statistiki*. 2014;(7):43–49. (In Russ.)
26. **Jasilioniene A.** *Premarital Conception and Divorce Risk in Russia in Light of the GGS Data MPIDR*. Working Paper WP-2007-025. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research; 2007.
27. **Mitrofanova E.S.** Marriages, Partnerships and Fertility of Russian Generations. *Demoscope-Weekly*. 2011;(477–478). (In Russ.)
28. **Chernova Zh.V.** Specificity of Gender Relationship Among Young Adults. *Sociological Studies*. 2012;(7):118–127. (In Russ.)
29. **Artamonova A.V., Mitrofanova E.S.** Cohabitation in Russia: «Tria» Union or an Independent Social Institution. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016;(1):126–146. (In Russ.)
30. **Beaujouan É.** Second-Union Fertility in France: Partners' Age and Other Factors. *Population (English Edition)*. 2011;66(2):239–274.
31. **Zakharov S.V., Churilova E.V., Agadjanian V.S.** Fertility in Higher-Order Marital Unions in Russia: Does a New Partnership Allow for the Realization of the Two-Child Ideal? *Demographic Review*. 2016;3(1):35–51. (In Russ.)

About authors

Elena V. Churilova – Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow, International Laboratory for Population and Health, National Research University Higher School of Economics (HSE University). 3, Bol'shoj Trehsvjatel'skij Pereulok, Moscow, 109028, Russia. E-mail: evchurilova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9524-7177>.

Sergei V. Zakharov – Cand. Sci. (Econ.), Deputy Director, Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics (HSE University). 3, Bol'shoj Trehsvjatel'skij Pereulok, Moscow, 109028, Russia. E-mail: szakharov@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1653-4264>.

Funding

The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).